Уже название Челобитной Василия Полозова не оставляет сомнения у читателя, что перед ним документальный памятник. Форма челобитной выдержана на протяжении всего текста, от начала до конца. Однако эта челобитная по своему содержанию представляет собою своеобразную одиссею служилого костромитина,[7] которому довелось попасть в плен к крымским татарам, затем — в Турцию, где он пережил длительное (более 20 лет) «полонное терпение», от приближенного султана до прикованного к веслу невольника-гребца. Освободившись от неволи во время бури, он становится, по обещанию, паломником к «святым местам», хотя вынужден принимать обличье турка («и ходил я, холоп твой, по турскому и в турском платьи; по платью и по языку нигде меня, холопа твоего, не задерживали и никто не роспрашивал»). Паломничество затянулось: кроме Иерусалима, Вифлеема, Голгофы Полозов посетил Египет, Синайскую гору. Длительным было и возвращение в Москву. Описание плена и путешествия сопровождалось мотивом борьбы против «обусурманивания», постоянно угрожающего герою. Василий Полозов подчеркивает, что ему удалось не изменить православной вере и просит царя наградить его «за полонное терпение». Во время странствований Полозов становится свидетелем «явлений» и чудес от христианских святынь, например схождения небесного огня в великую субботу. Уверовавший в это чудо и в православную религию турок тут же был жестоко наказан: его сожгли «на лобном месте».

Итак, в этом памятнике наблюдаются одновременно черты делового документа, описания путешествия (вынужденного) и чуда, свершившегося при рассказчике, т. е. — признаки сразу нескольких литературных жанров.

В Отписке московского посла в Крыму Степана Тарбеева содержится описание чудесного явления над дверьми царьградского Софийского собора богородичной иконы. Очевидцем «явления» выступает находившийся в турецком плену Афанасий Васильев, родом из Курска. Важную роль в этой отписке играет мотив христианской святыни, не оскверненной ничем вопреки усилиям могущественного турецкого царя. В рассказе фигурирует наказанный нечестивый турок, пытавшийся снять икону.

Отписка производит впечатление подлинного рассказа, записанного за очевидцем еще в Крыму, сразу по освобождении Афанасия Васильева от многолетних подневольных работ в Турции. А. И. Соболевский отнес этот текст к «записям устных рассказов»,[8] не сомневаясь в том, что Отписка исходит от вполне реальных лиц.

Оба рассказа, обладающие чертами различных литературных жанров, представляют определенный интерес и как образцы очерковой паломнической литературы. Но в одном случае описываются перемещения

Софии Константинопольской». — XIV Congrès International des études byzantines. Bucarest, 6—12 septembre 1971. Programme, p. 27). В настоящее время названный памятник в ряду подобных ему изучается Д. Уо (Гарвардский университет, США), который заканчивает диссертацию на тему: «Московские памфлеты на турецкую тему (материалы по истории литературного быта Московской Руси XVII в.)».

[7] Помещики Костромского уезда Полозовы известны по ряду документов. Ср., например, материалы коллекции Н. П. Лихачева в Архиве ЛОИИ, ф. 238, II, 50 (Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории АН СССР. М.—Л., 1958, стр. 245—246) или собрание грамот ГПБ (грамота с прочетом царя Петра I на Кострому ... об отставке от полковой службы стольника Глеба Матвеева сына Полозова для старости и болезни его. № 5296. 1702 г. июля 29).

[8] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, стр. 386—387.